

С. Л. Луговцова. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838—1839 гг. (По материалам Литовского государственного исторического архива в г. Вильнюсе). / Луговцова С. Л. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.106–112.

С. Л. ЛУГОВЦОВА

«ЗАГОВОР КОНАРСКОГО» И ЕГО ОРГАНИЗАТОР НА СТРАНИЦАХ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА 1838—1839 гг. (По материалам Литовского государственного исторического архива в г. Вильнюсе)

Прошло более 170 лет с тех пор, как 15 (27) февраля 1839 г. в Вильно состоялась казнь Шимона Конарского. Это событие стало завершающим аккордом в деятельности тайной патриотической организации «Содружество польского народа». Возмущение жителей города кровавым приговором было велико. Офицер, назначенный привести его в исполнение, сказался больным. Профессор Виленской медико-хирургической академии Мянв-ский с рыданиями покинул кафедру, сославшись на «всем известные события» [14, с. 216]. Позднее польская эмиграция превратит биографию «мученика-патриота» в целый роман, в котором он был героем. Все было в этом романе: и любовь, и крестьяне, слушавшие со слезами на глазах его вдохновенные речи, самоотверженность патриотов, измена предателей, коварство полицейских шпионов, которых дурачил Конарский. Был в романе и русский офицер, глубоко сознающий возвышенные чувства героя, готовый для новой деятельности спасти врага своего. В качестве самой пронзительной ноты в финале романа появляется мать героя, которая кричит ожидающей казни толпе: «Я радуюсь тому, что родила такого сына!», и ее голос доходит до сына раньше, чем вражеские пули [4, с. 232]. Российские власти, напротив, делали все возможное, чтобы о «заговорщике» и «фанатике» [13, с. 103] Конарском забыли как можно быстрее и желательно навсегда.

Советские идеологи, а вслед за ними и историки имели новые взгляды на старые сюжеты. Они уделили пристальное внимание так называемому «заговору Конарского»: эволюции общественно-политических взглядов участников, деятельности польских эмиссаров в крае, судьбе наиболее видных участников [1; 9; 12; 14; 15; 16]. Названной проблеме посвящен также широкий круг исследований польских авторов *. Деятельность Ш. Конарского и его сподвижников не случайно вызвала интерес советских историков. Конарский был носителем новых идей. Он принадлежал к тому поколению польских патриотов, которое мучительно переосмысливало итоги восстания 1830—1831 гг., анализировало причины поражения и пыталось исправить ошибки предшественников. Демократическое крыло польской эмиграции пришло к пониманию принципиальных вещей. Во-первых, необходимости действовать против российского господства вместе с крестьянами, для чего надо было освободиться от господства над ними. Во-вторых, важности объединения усилий с народами (прежде всего, русским и еврейским), проживавшими на территории бывшей Речи Посполитой.

Ш. Конарский был последовательным революционером. Наиболее выпукло его взгляды представлены в работе «Переходное состояние и окончательное устройство общества». Автор считал, что освобожденное от чужеземного господства Отечество должно быть устроено «согласно принципам религиозного, политического, гражданского и социального равенства» [4,

* Обзор польской историографии см.: *Barszewska-Krupa A. Emigracja i kraj. Lodz : Wyd-wo Univ. Lodzkiego, 1999. 225 s.*

с. 412]. В новой Польше для создания демократической формы правления будет необходим период переходного состояния. Члены союза, которые «одержат триумф в дни справедливого бунта», должны захватить власть и удерживать ее до тех пор, пока не покончат с внутренними и внешними врагами. Столь далекая от демократических форм узурпация власти оправдывалась автором «темнотой масс, подавленных долгой неволей, и величием цели» [4, с. 416].

В конце 1835 г. Конарский проник в пределы Российской империи, где в условиях постоянной конспирации «набрал» в тайную организацию — «Содружество польского народа» — около 3 тыс. чел. [17, с. 210—211], но эта цифра относится к самым смелым предположениям. Автор работы «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа, 1831—1863» (1866) отмечает, что виленскими военно-следственными комиссиями было привлечено к следствию 221 лицо [13, с. 103]. Современный польский исследователь Т Лепковский считает, что по делу о заговоре Конарского под следствием оказалось около 200 чел. [19, с. 332].

Обратимся к архивным источникам. В «Списке лиц, осужденных по делу Ш. Конарского» перечислено 199 чел., но из них только 93 относились к подозреваемым на территории Беларуси и

Литвы; 14 принадлежали к Дерптскому тайному обществу. Среди других заключенных находились как российские военнослужащие (15 чел.), предпринявшие попытку освободить Конарского из заключения, так и студенты Виленской медико-хирургической академии, арестованные по «делу Возняковского» (56 чел.), и, наконец, совсем не причастные к заговору лица [7]. «Дело Возняковского» имело весьма опосредованную связь с заговором. В 1840 г. при переходе границы были задержаны трое студентов Виленской медико-хирургической академии, при каждом из которых было два пистолета. В ходе следствия выяснилось, что они читали запрещенную литературу, а также распространяли в академии воззвания Конарского [8, л. 86—91]. Состав участников заговора в Украине раскрывает «Алфавитный список лиц, связанных с делом о тайных обществах в Киевской, Волынской и Подольской губерниях», в котором перечислено 146 чел. [3, с. 152]. Если объединить данные списков киевских (146 чел.) и виленских (93 чел.) комиссий, то выясняется, что под подозрением о принадлежности к «Содружеству» в Литве, Беларуси, Украине оказалось 239 чел. Заметим, что в списках встречается дублирование фамилий. Кроме того, многие лица попали в круг подозреваемых случайно и позднее были освобождены от ответственности.

Тайные общества, объединенные Ш. Конарским, были обнаружены в Дерптском, Виленском и Киевском университетах, в Волынской, Подольской, Минской и Гродненской губерниях, в Вильно и Одессе [7]. Кроме того, в письмах Конарского к И. Лелевелю есть указания на то, что он дважды ездил в Петербург, где установил связи в армии [14, с. 214]. Не случайно А. Ф. Смирнов, один из самых глубоких исследователей темы, назвал Конарского «опытным организатором и талантливым пропагандистом» [14, с. 208]. Мы еще вернемся к этому определению, пытаясь осмыслить, насколько оно соответствует действительности.

27 мая 1838 г. на почтовой станции между Вильно и Минском «Крыжовка» был арестован помещик Луцкого уезда И. Родзевич вместе со своим слугой Лукашом Чулянчиком. Почти сразу выяснилось, что под видом Чулянчика скрывался Конарский. 30 мая 1838 г. Виленский военный губернатор генерал-лейтенант Н. А. Долгорукий дал предписание о создании особой следственной комиссии «для раскрытия всех злоумышленников эмиссара» [5, л. 15—15 об.]. Арест Конарского не был случайностью. Еще в июне 1835 г. наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич получил от французской полиции известие о возможности появления в пределах Российской империи выехавших из Франции эмиссаров Л. Плятера, М. Карского, Н. Эгерсдорфа, Леона и Адольфа Залеских, М. Ходько и Ш. Конарского. Приметы последнего были обозначены следующим образом: «Лет 25—30, росту среднего, волосы светло-русые, нос средний, брови светлые, глаза голубые, нос короткий, рот обыкновенный, усы и гишпанка русые, лицо круглое, здорового цвета, тучен» [2, с. 42]. Реальных действий по поиску Конарского в то время предпринято не было. Да и обна-

ружить предполагаемого эмиссара по указанным приметам было невозможно. На самом деле он был высокого роста, стройного телосложения, «худощавого лица» и не носил «гиш-панку», во всяком случае во время его пребывания в России [6, л. 106 об., 110].

В начале 1837 г. Николай I был проездом в Вильно. Во время доклада виленского генерал-губернатора, князя Н. А. Долгорукого «о совершенном спокойствии края» император заметил: «А Конарский?» и показал некую депешу, свидетельствующую о том, что последний прибыл в Литву [2, с. 48]. С этого момента полиция развернула серьезные поиски эмиссара.

В мае 1838 г. один из полицейских агентов заметил подозрительного человека у виленского купца Розенталя. Уже через несколько минут, после того как Конарский (а это был именно он) покинул лавку, были арестованы купец Розенталь и мастер часовых дел Духновский, который их познакомил [11, с. 554]. Последний показал, что Конарский собирался выехать из Вильно по минской дороге. Пытаясь уйти от преследователей, Конарский продолжил путешествие под видом слуги И. Родзевича. На первой же станции оба обратили внимание земского исправника [10, с. 522]. «Лакей» Родзевича был похож на разыскиваемого преступника. Кроме того, смотритель станции Волончевич заметил, что помещик обращался со своим дворовым, как будто «он есть товарищ его, а не лакей» [5, л. 17]. Выяснилось также, что Волончевич видел Чулянчика, щегольски одетого, в Вильно на ярмарке. Исправник арестовал Чулянчика и отправил его в город для опознания. Земский исправник приступил к описи вещей, находившихся в бричке. В это время десятский Матвей заметил, что когда Родзевич «пошел до ветру, то, присев во рву будто бы по естественной надобности, зарыл что-то в землю» [5, л. 17 об.]. На этом месте были найдены клочки разорванных бумаг. При обыске Родзевича из сюртука его посыпались клочки разорванной бумаги, аналогичной найденной во рву. Земский исправник принял решение доставить задержанного шляхтича в Вильно.

Рапорт виленского исправника не только показывает первые минуты ареста Конарского и проясняет мотивацию действий полицейского чиновника, но и является прекрасной бытовой зарисовкой.

Шляхтич, в багаже которого было 14 штук одних только рубашек «голландского холста», шелковые платки [5, л. 19], «ходит до ветру» в соседний овраг. Это происходит на первой от Вильно почтовой станции. Интересно, как были обустроены остальные?

Багаж арестованных привлек внимание земского исправника. В нем находились 4 двустольных ружья, пара двустольных пистолетов, формы для отливки пуль, ящик с двумя париками, три пары женских подвесок. Можно предположить, что последние являлись пожертвованиями в пользу тайной организации от местных патриотов. У Конарского была «коханка» в Подольской губернии, куда, по свидетельствам очевидцев, он в то время не собирался. О встречах Родзевича с какой-либо девушкой ничего не известно. С другой стороны, сохранились свидетельства, что Конарский уделял большое внимание привлечению к пропагандистской работе женщин, считая, что они могут сыграть большую роль в распространении новых идей. По свидетельству К. Мышковского, дамы отвечали ему взаимностью. Они слушали с восхищением «его речи, его картины описания скитальческой жизни, приключений, обетований» [10, с. 500]. Если добавить, что Конарский умел проникновенно говорить, а также «пел с большим чувством» песни о тяжести жизни в изгнании [10, с. 495—496], то можно предположить, что он легко завоевывал внимание слушательниц.

На первом допросе 28 мая 1838 г. Конарский показал, что он крестьянин Чуляничик, лет ему от роду 24—26, веры униатской. С малолетства находился при помещике Родзевиче. По требованию следователя подробно описал, чем занимался в Вильно: ходил за покупками, сдавал выбеливать полотно [5, л. 25—25 об.]. Однако под давлением улик уже на втором допросе (в тот же день) сознался, что его настоящая фамилия Конарский [5, л. 27]. Существует мнение, что Родзевич начал сразу оговаривать своих товарищей, в том числе Конарского. На самом деле к признанию последнего он не имел отношения. 2 июня, через пять дней после признания эмиссара, в ходе допросов Родзевич еще рассказывал комиссии трогательные

истории о том, как хотел помочь бедному и одинокому шляхтичу Дунину (одна из фамилий, под которой скрывался Конарский) [5, л. 40—47].

Обстоятельства вынудили Конарского назвать свое истинное имя. Совпали предъявленные ему приметы разыскиваемого лица с его собственными, при нем была обнаружена литература: «Пилигримство польского народа» А. Мицкевича, стихи М. Лисицкого о восстании 1830 г., возвания к русскому и еврейскому народам [5, л. 92—144]. Содержание документов не оставляло сомнений в образе мыслей их обладателя. Они насквозь пронизаны революционными идеями, призывами совместными усилиями бороться с деспотизмом: «Разве думаете вы, что мученическая кровь Рылеевых, Муравьевых и Пестеля пала на камни? Поистине, нет! Скоро юная Россия пробудится, заиграет гимн свободы!» [цит. по: 14, с. 213].

Была еще одна причина, по которой Конарский назвал свое подлинное имя, — желание взять вину за обнаруженные при аресте «возмутительные» рукописи на себя, «обелить» Игнатия Родзевича. В ходе дальнейших допросов он всячески подчеркивал, что Родзевич не знал его истинного имени и настоящего образа мыслей. Попытка благородная и наивная одновременно, хорошо характеризующая характер самого Конарского. Каждое сказанное им слово будет перепроверено, каждое вскользь упомянутое лицо будет привлечено к следствию. Самое лучшее, что мог сделать организатор заговора для своего друга Родзевича и для остальных участников тайной организации — не произносить вообще ни одного слова.

Характерный пример работы российской полицейской машины: 4 июня были опечатаны бумаги помещиков Россиенского уезда Игнатия и Иосифа Конарских и арестованы сами помещики. Ничего предосудительного в бумагах обнаружено не было, никак не прослеживалась родственная или иная связь с Родзевичем и Конарским. В связи с чем было принято решение освободить их из-под ареста и разрешить вернуться на прежнее местожительство [5, л. 90]. Можно сказать, помещикам повезло: их не лишили должности, не конфисковали имение. Встречи однофамильцев политических преступников с полицейскими чиновниками не раз заканчивались именно таким образом.

Материалы военно-следственных комиссий читать и легко, и тяжело. Легко, потому что показания подследственных подробно зафиксированы, сгруппированы и сшиты. Вопросы логичны, двусмысленности прояснены, подчиненные реагируют на указания начальников слаженно и четко. Тяжело потому, что на твоих глазах рушатся человеческие судьбы, разыгрываются шекспировские драмы, в которых было все: обман и предательство, мужество и человеческое достоинство самой высшей пробы.

Члены тайных демократических обществ, входивших в «Содружество польского народа», находясь под следствием, стали оговаривать друг друга. Одни давали признательные показания по своей инициативе, другие — под давлением неопровержимых улик, третьи — под пытками за стенами виленского базилианского монастыря. Сохранилось достаточно свидетельств участников событий (К.

Мышковского, М. Ловицкого, Ф. Савича), чтобы утверждать, что заключенных избивали, выворачивали суставы, сажали в карцер, оказывали психологическое давление. Следователи использовали метод «подсадной утки», когда в одиночную камеру подсаживали переодетого полицейского, выдававшего себя за такого же арестанта, и он узнавал самые сокровенные тайны измученного заключенного [10, с. 523].

Материалы следственных дел тяжело читать и потому, что все время ощущается неравенство сил сторон. Хорошо организованная деятельность полицейских чиновников вызывает уважение. Если становой пристав получал распоряжение земского исправника о допросе некоего лица или обыске в его доме, то это распоряжение выполнялось незамедлительно. Обыск производился тщательно. В одном из случаев внимание полицейского привлек, в частности, своеобразный внешний вид пуговиц (на них был изображен портрет Наполеона). Детально изучалась переписка подследственных, хозяйственная документация имений. Устраивались перекрестные допросы, в том числе дворовых людей подозреваемых. Отдельно

надо сказать о деятельности чиновника по особым поручениям при Минском гражданском губернаторе Богдановиче. Вот география его перемещений: Минск, Слуцк, Пинск, Луцк и снова Пинск, не считая остановок на многочисленных почтовых станциях и в шляхетских фольварках. Везде он вникал в самую суть проблем, прекрасно справляясь со своими обязанностями, и сеял страх, слезы, отчаяние в стане противника.

Совсем другую картину представляет лагерь заговорщиков-патриотов. Больше всего удивляет некая наивность в их действиях и показаниях. В ходе обысков у членов тайного общества были найдены устав «Содружества польского народа» и так называемая «Организация». Такие находки легко объяснимы: каждое общество имело свои организационные документы. Но зачем было, подобно юным барышням, хранить письма друг к другу, наполненные иногда столь двусмысленными фразами, что они легко «расшифровываются» неподготовленным читателем, не говоря уже о чиновниках полицейского ведомства? Зачем носить в кармане сюртука «возмутительные стихи»? Попытки обвиняемых запутать следователей «шиты белыми нитками». Невольно ловишь себя на мысли, что нынче школьники врут лучше. Создается впечатление, что участники «Содружества» не имели понятия о конспирации, не понимали той опасности, которой подвергали себя. Но это не так. Правила конспирации теоретически были хорошо разработаны. Что же касается понимания опасности, то на глазах именно этого поколения прокатился вал репрессий, обрушившийся на повстанцев 1830—1831 гг., а также на участников военных экспедиций 1833 г. Действия властей не оставляли сомнений, что членов любых антиросийских организаций ожидали самые суровые меры.

Романтичные наивные мальчишки — первое, что приходит на ум в «оправдание» неловких действий заговорщиков. Такая ассоциация не случайна. Знакомство с участниками заговора Конарского для большинства из нас ограничивается Демократическим обществом, организованным Ф. Савичем среди студентов Виленской академии. Именно его деятельности посвящено большинство работ, касающихся заговора. Представляешь искренних юношей, которые со свойственной их возрасту решительностью хотели изменить мир, но не успели.

Знакомство с материалами дела рождает чувство несоответствия сложившегося под влиянием исторических работ «коллективного портрета» заговорщиков с теми реальными людьми, которые попали в тиски следственной машины. Ближайшими сподвижниками Конарского (приговорены к наиболее суровым наказаниям) были Игнатий Родзевич — 40 лет, Антоний Ожешко — 38, Ян Былевский — 38, Ежи Брынк — 37, Наполеон Новицкий — 38 лет. Не юный возраст сделал их легкой добычей следователей. Для понимания причин быстрого разгрома организации нужно взглянуть на ее деятельность «изнутри».

4 июня 1838 г. Конарский стал давать пространные показания виленской военно-следственной комиссии [5, л. 51—86 об.]. Он сообщил, что его настоящее имя Шимон (сын Ежи), ему 30 лет, уроженец деревни Добкишки Кальварийского обвода Августовского воеводства Царства Польского. Происходил из древней и уважаемой шляхетской фамилии. Его дед был генералом артиллерии, отец — судьей, мать Паулина, урожденная Вишневецкая, — дочерью сенатора и каштеляна Шимона Вишневецкого. У Конарского был родной брат Станислав. Подследственный неоднократно подчеркивал, что не виделся с матерью и братом, начиная с 1831 г. и не имел от них никаких сведений. Вероисповедание указал как «евангелистическое реформаторское» (Конарский был кальвинистом). Сообщил, что холост, недвижимого имущества в собственности не имеет, а после отца осталось «более долгов, нежели состояния». В 1-й Егерский полк Царства Польского он вступил в марте 1825 г. в возрасте 17 лет, через 1 год и 8 месяцев был произведен в подпрапорщики. Вместе с полком принял участие в событиях 1830—1831 гг., в ходе которых был произведен в поручики. Вместе с полком отсту-

пил, перешел прусскую границу, где отсидел три месяца в карантине. В январе 1832 г. был выслан прусским правительством вместе с большой группой польских эмигрантов во Францию. Через 4 месяца уехал в Швейцарию, где стал работать на фабрике часовых дел. Хотел

открыть торговлю часами, писал несколько раз матери, надеясь получить от нее денежное пособие. Ответов никаких не получил. Решил возвратиться в Восточную Пруссию, где был арестован полицией за незаконное пребывание на территории государств. Прусские власти выслали его в Данциг, а оттуда в Антверпен. Из Антверпена нужда и недостаток заставили Конарского отправиться в Брюссель, где содержал себя, занимаясь музыкой и переписыванием нот. Конарский решил вернуться к часовому мастерству в Швейцарии и стал ходатайствовать о выдаче паспорта. Желаемый паспорт ему получить удалось, но с условием больше не возвращаться в Бельгию. В Швейцарию он прибыл в конце марта 1834 г. и поселился в деревне Шодэфонд (Chaux des fonds) под именем Симона Конарса.

Тоска по родине сильно «удручала» Конарского. Друзья исходатайствовали ему разрешение вернуться во Францию. В конце декабря 1834 г. он прибыл в Париж, где дал письменное обещание префекту полиции не вмешиваться в дела французской политики и стал жить жизнью мирного обывателя, «доставляя себе пропитание музыкою, часовым мастерством и литературными занятиями». Спустя пять месяцев произошел скандал, к событиям которого Конарский в своих показаниях возвращается несколько раз. Полицейские ворвались в его квартиру в поисках оружия, произвели грубый обыск. Ничего подозрительного не нашли. После этого Конарский направился к префекту полиции, чтобы выразить ему свое возмущение. Как могли не поверить его честному слову! Конарский подробно описывает, как гордо вел себя с префектом, как был жалок последний и т. п. В результате его арестовали за оскорбление префекта, затем выдали паспорт для следования в Англию с условием покинуть Францию немедленно и более на ее территорию не возвращаться.

В Лондоне Шимон прожил не более двух месяцев. Дороговизна, сырой климат, «совершенная разница английского часового мастерства со швейцарским», незнание английского языка сделали его жизнь совершенно невыносимой. В Лондоне случай свел его с Адольфом Залеским, который предложил отправиться с ним в Краков, поселиться между крестьянами и заняться просвещением народа. В начале октября 1835 г. Конарский прибыл в Краков и несколько месяцев жил в окрестностях города, пытаясь заниматься пропагандой, отчего «тамошние обыватели» называли его и Залеского «пьяницами, необразованными батраками» и «избегали нас и подобных нам выходцев, замышлявших большие дела» [5, л. 59 об.].

Когда Краков был занят австрийскими властями, Залеский, Бобинский и Конарский решили бежать в Карпатские горы. Их преследовала австрийская полиция. Конарскому якобы пришла в голову мысль искать убежища от преследователей в самой гуще опасностей, и он решил идти во владения России. Конарский неоднократно подчеркивает, что ни к каким тайным эмигрантским обществам он не принадлежал. Как активного противника любых форм тайной организации характеризовал он и Залеского. Последний будто бы считал, что любое общество дает повод большинству к бездействию, к надежде, что члены общества все за тебя сделают. Конарский утверждал, что в конце 1836 г. был тайно (за 4 рубля) переведен через границу около м. Броды. Затем шел пешком, скрывался у местных крестьян, однако в корчах стали поговаривать о его появлении. Спрашивал у крестьян, где бы найти «честных господ», которые приняли бы его. Крестьяне отвечали, что все господа «худые люди», но есть господин, прибывший недавно из Пинска, о котором пока мало что известно. Этим господином оказался Игнатий Родзевич. Конарский пришел к Родзевичу под именем Викентия Дунина (так как получил паспорт на это имя от Залеского в Галиции). Родзевич полюбил его как родного, внимательно ухаживал за ним во время длительной болезни, которая вынудила Конарского пролежать в постели более шести недель. Не желая подвергать жизнь Родзевича опасности, решил вернуться в Галицию, а оттуда уже пробраться в Англию. В Галиции вновь встретился с Залеским, который убедил его в невозможности легально добраться до Англии.

В Галиции Конарский увидел, что за время его отсутствия работа Залеского среди простых людей имела успех. Крестьяне доверяли ему, а сам Залеский мог без труда найти приют в

крестьянских домах на расстоянии 30 миль. Конарский с сожалением отмечал, что иная ситуация на Полесье, где нет возможности укрыться среди крестьян, не говоря уже об «исправлении их нравственности». Он подчеркивал, что, «несмотря на душевное мое желание видеть благосостояние поселян, даже если бы жизнь пришлось отдать для счастья их», все попытки добиться расположения крестьян на Полесье не имели успеха, так как каждый поселянин там «есть не что иное, как только

пьяница и ограниченное существо», а также «злейший враг всем выходцам, проникающим в империю» [5, л. 84 об.]. Таковым оказался разрыв между идеями, которые исповедовал Конарский, и их претворением в жизнь!

В соответствии с показаниями Конарского после неудачной поездки в Галицию он решил вернуться к Родзевичу, чтобы через российскую территорию пробираться в Англию. Залеский дал ему в дорогу 120 червонцев и просил купить несколько пудов букв для создания в Галиции типографии. Находясь уже в Российской империи, Конарский просил Родзевича отвезти его в Вильно на ярмарку, надеясь встретить там знакомых из родных мест. Он хотел передать матери и брату письмо с просьбой продать все имущество на родине и взять в аренду имение на Полесье, где он мог бы жить с ними в качестве эконома или в звании какого-нибудь другого дворового служителя. Никого из знакомых Конарский на ярмарке не встретил, но вспомнил о просьбе Залеского купить типографские буквы. Он решил искать некоего Павла, уроженца Волыни, студента Виленской медико-хирургической академии, так как «совершенно случайно» имел для него условленный знак, полученный от одного из друзей Залеского. Павел познакомил его с часовым мастером Яном Духновским. Последний познакомил Конарского с купцом Розенталем, который вызвался продать ему любое количество типографских букв. Такая покупка привлекла бы внимание виленской полиции, поэтому Конарский просил Розенталя привезти буквы контрабандным путем из Пруссии. Таким образом, буквы должны были тайно привезти из Пруссии в Вильно, чтобы затем столь же тайно переправить их через Виленскую и Минскую губернии в Волынскую (где арендовал имение Родзевич), а оттуда, еще раз преодолев границу, — в Галицию.

Вы верите в правдивость этой истории? Следователи не поверили. И начали задавать вопросы: что заставило Конарского искать убежище на Полесье, а не в Августовском воеводстве (раз уж он решил вернуться в пределы Российской империи)? Что именно он собирался печатать с помощью типографских букв, «ибо невероятно представить, чтобы Залеский, живя в Галиции, не мог найти более простого способа для их приобретения»? Собирался ли распространять свои произведения среди народа? Почему Родзевич выдавал его за своего слугу Чулянчика, если знал под именем шляхтича Дунина?

Конарский отвечал, что не мог вернуться на родину, так как был там слишком известен. На Полесье же рассчитывал вести спокойную жизнь в качестве лесника или простого крестьянина. Печатать ничего не собирался. Конарский уверял, что Залеский просил его о покупке букв, так как австрийская граница охранялась гораздо лучше российской, соответственно доставка букв из Саксонии на территорию Австрии была совершенно невозможна. Поездку в Вильно по паспорту слуги Родзевича Конарский объяснял следующим образом. Срок действия его паспорта на имя Дунина истек, а в Вильно надо было успеть до окончания большой Юрьевской ярмарки. Поэтому Родзевич взял паспорт своего дворового человека, «не усматривая в этом особой важности». Конарский якобы надеялся попасть через Вильно в Ригу, чтобы выяснить, можно ли оттуда уехать в Англию, однако не успел этого сделать.

Следователи не поверили ни одному слову подозреваемого, начиная с информации о том, действительно ли показания давал Шимон Конарский. 4 июня из Августовского воеводства в Вильно был доставлен родной брат Шимона Станислав. В тот же день они встретились на очной ставке. Братья бросились друг другу в объятия. Только после «трогательной и разительной» их встречи у членов комиссии не осталось сомнения в том, что задержанный под именем Лукаша Чулянчика и есть Шимон Конарский [5, л. 88].

Чтение показаний Конарского рождает двойственное впечатление. С одной стороны, перед нами предстает натура деятельная, активная, смелая. Человек, легко воспринимающий новые идеи, готовый сражаться за них. С другой — Конарский был подвержен частым приступам, как он называл, «меланхолии», или говоря современным языком, депрессии. Во время таких приступов он становился беспомощным, плакал, искал уединения. Главной причиной депрессии была пронзительная тоска по Родине. Попытки Конарского убедить следователей, что он стремился вернуться в Англию, выглядят нелепо. Мир демократической Англии был для него чужим, не имевшим точек соприкосновения с его собственным миром. И еще об одном противоречии. В своих политических работах Конарский выступает сторонником просвещения крестьян, отношения к ним как к равным. А со страниц показаний, данных в следственной комиссии, «лезет» шляхетская спесь и высокомерие. Да и опыт непосредственного общения с крестьянами у Конарского, похоже, не удался. Во всяком случае, на территории Литвы, Беларуси и Украины он действовал только в шляхетской среде.

К исходу лета 1838 г. следователи существенно уточнили первоначальные показания Конарского. Выяснилось, что в 1833 г. он участвовал в экспедиции Заливского, целью которой было развернуть партизанскую войну на территории империи. В соответствии со справкой, выданной

военным начальником Августовского воеводства, в марте 1833 г. Конарский приезжал в Кальварийский обвод, где виделся с матерью и братом. Позже за это свидание они были подвергнуты суду. На обратном пути он был задержан прусскими властями и выслан в Антверпен. В декабре 1833 г. Конарский был уже в Бернском кантоне Швейцарии, откуда в начале 1834 г. отправился в экспедицию на Савойю * [5, л. 371]. В ходе экспедиции Шимон Конарский познакомился с генуэзским эмигрантом Д. Мадзини, который создал в 1831 г. в Марселе республиканскую организацию «Молодая Италия». Уже в апреле 1834 г. в Швейцарии было организовано международное объединение демократов «Молодая Европа», частью которого являлась «Молодая Польша». Как факт большой важности оценит в 1835 г. Мадзини вступление в ряды «Молодой Польши» признанного авторитета демократического крыла польской эмиграции И. Лелевеля. Именно после консультаций с Лелевелем в 1835 г. Конарский станет активным организатором «Содружества польского народа» [3, с. 143—144].

В декабре 1834 г. Конарский прибыл в Париж, где занимался изданием газеты «Пулноц» («Север»). Из-за нехватки средств издательская деятельность была быстро прекращена. Конарский выехал в Лондон, оттуда уже через 2 месяца — в Брюссель и Ахен. В июле 1835 г. вместе с Адольфом Залеским он прибыл в Краков, где встретился с эмигрантами Штольдманом, Гордашевским, Новосельским, Дыбовским, Бобинским, Янушевичем, Милковским и Леоном Залеским. Они образовали в 1835 г. «Содружество польского народа» с девизом: «Все для народа, силою народа» [5, л. 371]. Главные цели организации: призывать всех поляков содействовать освобождению Польши и «преобразованию ее народного духа и нравов»; стремиться к объединению с обществами других народов Европы с подобным же образом мыслей.

Для их выполнения предусматривалось следующее. 1) Разделить территорию бывшей Речи Посполитой на 5 округов: Краковский, Пожанский, Царство Польское, Литовский и Русский. Округа подразделялись на обводы. 2) Учредить в каждом из округов земские сборы, соответственно в обводах — обводные сборы, с делением последних на участки или гмины. 3) Каждый земский сбор должен был состоять из земского секретаря и пяти членов (военного, финансового, просвещения, внутреннего и внешнего); обводный сбор — из секретаря, 3 или 5 членов; заведование гминами должны были осуществлять солтысы. 4) Главный сбор должен был отвечать за общее руководство, «удерживать стройность действий», утверждать

* Савойская экспедиция — вооруженное вторжение в Сардинское королевство группы итальянских эмигрантов, организованное в феврале 1834 г. Д. Мадзини и «Молодой Италией». Не встретив поддержки населения, патриоты после перестрелки с полицией вернулись во Францию.

обводные сборы и поддерживать контакты с европейскими обществами. 5) Земские сборы должны были управлять порядком на вверенных им территориях, избирать одного депутата на Главный сбор и являться посредниками между Главным и обводными сборами. 6) Обводные сборы должны были предоставлять отчеты своему земскому сбору [5, л. 372—372 об.].

В Кракове был составлен временный Главный сбор в составе Янушкевича, Адольфа Залеского, Милковского, Бобинского и Гедройца [5, л. 374], подготовлен устав общества.

В конце 1835 г. Конарский тайно перешел границу Российской империи. Постоянным его местопребыванием стал глухой угол Полесья — имение Лысово (ныне Маневицкий район Волынской области). Он скрывался на Волыни под именами Лоевского, Дунина, Хоревича, крестьянина Чулянчика, Немравы. Связь с сообщниками за границей Конарский поддерживал с помощью шляхтича Кульчинского. Для тайной переписки члены общества пользовались тремя способами: специальным экстрактом, который получали с помощью табачного дыма; крахмалом (слова читались с помощью йода); особым составом, когда одна из специально приготовленных жидкостей использовалась для письма, а другая — выводила написанное. Каждый вступающий в общество произносил присягу, в которой клялся не выдавать товарищей. Для конспирации членам общества давались особые имена [5, л. 373 об. — 374].

Для того чтобы члены общества могли узнать друг друга, среди незнакомых лиц был установлен условленный знак: проходящий к кому-либо должен был остановиться, поставив одну ногу накрест другой. Стоять в такой позе терпеливо, не делая движений руками, и смотреть в глаза второму человеку. Последний должен был спросить пришедшего, кто он. Ответом служил пароль «Витольд», после чего оба могли объясняться свободно [5, л. 375].

На протяжении 1836 — начала 1838 г. Конарский развивал активную деятельность на территории Литвы, Беларуси и Украины по привлечению в организацию новых членов, показав себя как блестящий оратор. Сохранилось достаточно свидетельств того, какое впечатление Конарский производил на слушателей. В своих показаниях шляхтич Гродненской губернии Т. Булгак сообщал: «В жизни своей я не слышал человека с таким дарованием убеждать кого-либо красноречием, с жаром произнесенными

словами, на истину весьма похожими, с какими тогда Конарский старался убедить меня» [цит по: 14, с. 209]. М. Ло-вицкий, описывая эпизод встречи студентов Виленской медико-хирургической академии с Конарским, отметил, что он «восхитил своим красноречием, так что Рапчинский не знал, каким образом оказать ему свое беспредельное почтение и благодарность» [11, с. 554]. Уроженец Пинского уезда шляхтич И. Родзевич был буквально влюблен в Конарского, стремился не расставаться с ним, участвовал во всех предприятиях эмигранта. Можно добавить, что на первом этапе своей деятельности Конарский проявил себя как хороший психолог. Анализируя многочисленные показания арестованных членов общества, приходишь к выводу, что он старался сначала выяснить, насколько собеседник разделяет его взгляды, каков его характер. В одних случаях он спокойно уговаривал, в других — восторженно воодушевлял, в третьих — грозно взывал к совести и чести. Не всем и не всегда Конарский раскрывал цели тайного общества. Одним говорил только о необходимости внимательного отношения к крестьянам и распространении просвещения среди них, другим — о важности революционной пропаганды, и только в редких случаях речь шла о будущей подготовке к партизанской войне против российского господства. Конарский рассматривал партизанскую войну как важнейшее средство борьбы за свободу отечества. Однако считал ее делом будущего, выдвигая на первое место пропаганду новых идей в шляхетской и крестьянской среде. Таким образом, можно согласиться со второй частью утверждения А. Ф. Смирнова, назвавшего Конарского «опытным организатором и талантливым пропагандистом» [14, с. 208]. Был ли Шимон Конарский также талантливым организатором? На этот вопрос можно ответить, только рассматривая конкретную деятельность тайных организаций, входивших в «Содружество польского народа».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрович, С.* Старонкі братняй дружбы / С. Александровіч. Мінск : Белдзяржвыд., 1960. 218 с.
2. *Берг, Н. В.* Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг. / Н. В. Берг М. : Изд-во Рус. архива, 1873. 382 с.
3. *Варварцев, М. М.* Джузеппе Мадзіні, мадзінізм і Украіна: монографія / М. М. Варварцев. Кшв : Унів. вид-ва ПУЛКАРИ, 2005. 304 с.
4. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / подбор и ред. текстов, вступит. статьи и прим. И. С. Миллера и И. С. Назаренко. М. : Соцэкгиз, 1956. Т. 2. 884 с.
5. Литовский государственный исторический архив в г. Вильносе (ЛГИА). Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 2 — Следственные протоколы по делам Яна Былевского, Адама Гайковича, Яна Еленского, Кочановского, Станислава Козакевича, Эммануэля Любовицкого, Людвиг Орды, А. Пипера, Казимира Рапчинского, Яна Высоцкого.
6. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 16 — Дело о лицах, состоящих в Гродненском тайном обществе: Владислава Бронца, Ежи Брынка, Винцента Брынка, Юлиана Булгака, Томаша Булгака, Станислава Дроздовского, Наполеона Новицкого, Тадеуша Новицкого, Людвиг Орды, Юзефы Плотницкой.
7. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 24. Список лиц, осужденных по делу Ш. Конарского и других политзаключенных, обвиняемых в принадлежности к тайным обществам.
8. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 25. Военно-следственная комиссия под председательством полковника Назимова. Протоколы расследований, рапорты членов комиссии, списки заключенных. 101 л.
9. *Мохнач, Н. Н.* Идеиная борьба в Белоруссии в 30—40-е годы XIX в. / Н. Н. Мохнач. Минск : Наука и техника, 1971. 157 с.
10. *Мошковский, К.* Рукопись в тюрьме / К. Мошковский // Русский архив, 1909. Кн. 1. № 4. С. 483—534.
11. Очерк духа Виленской академии от учреждения оной до 1839 года // Русский архив, 1909. Кн. 1. № 4. С. 534—564.
12. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815—1917 / под ред. В. А. Дьяконова, А. Я. Манусевича, И. С. Миллера. М. : Наука, 1976. 602 с.
13. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа, 1831 — 1863. Вильна : Тип. Р. М. Рома, 1866. 410 с.
14. *Смирнов, А. Ф.* Революционные кружки и организации в Белоруссии и Литве в 30-х гг. XIX в. / А. Ф. Смирнов // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 197—221.
15. *Смирнов, А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши, 30—60-е годы XIX в. / А. Ф. Смирнов. М. : Соцэкгиз, 1962. 427 с.
16. *Смірноў, А.* Франц Савіч. 3 гісторыі беларуска-польскіх сувязей 30—40-х гадоў XIX стагоддзя / А. Смірноў. Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1961. 171 с.
17. *Barszczewska, A.* Szymon Konarski / A. Barszczewska. Warszawa : Wiedza powszechna, 1976. 271 s.
18. *Barszczewska-Krupa, A.* Emigracja i kraj / A. Barszczewska-Krupa. Lodz : Wyd-wo Univ. Lodzkiego, 1999. 225 s.
19. *Łepkowski, T.* Narod bez państwa / T. Łepkowski // Polska losy państwa i narodu / Pod red. Samsonowicz H., Tarbir J., Łepkowski T. Warszawa : Iskry, 1992. S. 277—325.

SUMMARY

The article is devoted to Shymon Konarski, who was the organizer of the plot against Russian domination at the territories of Poland, Ukraine and Belarus. During 1835—1839 Konarski managed to found several secret groups. Their members tried to prepare peasants to the joint armed struggle with nobles against Russian tsarism. The author of the article on the basis of the committee of inquiry documents analyses Konarski's behavior after his arrest, uncovers the unknown events of his biography and tries to understand the motives

of his deeds. The author comes to conclusion that Shymon Konarski was talented propagandist, he managed to carry away with his ideas about two hundred people, but his real activities were often far away from his enthusiastic words.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2009 г